

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА	7
Глава 2. ИЛЬИН ДЕНЬ	43
Глава 3. ГОЛУБИ ЛЕЯТ НАД НАШЕЙ ЗОНОЙ	81
Глава 4. ДОБРЫЕ РОДСТВЕННИКИ	122
Глава 5. А ТЫ КУПИ СЛОНА	162
Глава 6. ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА	206
Глава 7. АХ ЭТА СВАДЬБА...	249
Глава 8. МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ	294
Глава 9. НУ ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛЯ	336

Глава 1

ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА

Декабрь 1987 года

Дарагой Дедушка Мороз!

Меня зовут Ирка и мне 7 лет. Я учусь харашо. Уже умею лепить вареники и хажу в магазин за буханкой черного. Прочитала всехо Робинзона Карузо и Снежную королеву. Мне ничего не нужно из теплой одежды, и кукла-невеста тоже ненужна. Сделай пожалуста так, чтобы мама больше не пила.

Ирка почесала ручкой за ухом, нарисовав замысловатую петлю, и добавила:

Ул. Шапена, 9, кв. 32 (Дверь без номера, красная).

Девочка шмыгнула носом, затолкала письмо в конверт и старательно прошлась по уголку языком, морщась от привкуса клея. Обреченно сглотнула горькую слюну, вязнущую во рту сосновой жвачкой. Конечно, можно было бы попросить еще юбку-клеш и белые гофрированные банты, а то она все в черных да коричневых. Только ребята говорили, что Дед Мороз исполняет всего одно желание. Пускай будет это. Самое главное.

Ирка икнула и потянулась за чашкой с «ополосками». В ней с завтрака болтался недопитый дефицит-

Ирина Говоруха

ный индийский чай, именуемый домочадцами «пылью индийских дорог». Затем старательно нацарапала: «Деду Марозу на Северной полюс», скрестила на удачу два пальца и, не удержавшись, поцеловала конверт прямо в крестовину. Зажмурилась и произнесла магическое «Крибле-крабле-бумс». Слезла с табурета, случайно зацепившись коленкой за гвоздь, и мгновенно расплзлась круглая дырка. Обреченно вздохнула – мама опять заругает, что на нее колгот не напасешься. Может, даже отвесит подзатыльник. Ну да ладно. Девочка привычно оккупировала подоконник, достала двух пупсов, расставила крохотные деревянные стулья с буфетами и запела любимую бабушкину «Расцветали яблони и груши».

– Доченька, а ты знаешь, что такое «игруши»? Нет? Это такие фрукты заморские. Как апельсины.

Играла она всегда в одно и то же – в большую счастливую семью.

Ирка родилась в самом красивом городе мира, с широкими парадными проспектами и узкими улочками, напоминающими коридоры поликлиники, куда они с мамой носили анализы в спичечных коробках. На площадях пламенели тюльпанные клумбы. Торжественно открывались новые гастрономы и пестрели разноцветными корешками окна детских библиотек. Обувная фабрика шила бурки, детские тупоносые сандалики и женские ботинки, утепленные цигейкой. Дом культуры в форме огромного краба предлагал десятки кружков, а уютные кафешки – песочные корзинки с кремовыми опятами, пирожные «Лето» и шарики сливочного мороженого с дробями орехов или шоколадных опилок. Украшением города считался двухэтажный универмаг, в витринах которого в неестественных позах простаива-

Рыжая

ли тетеньки-манекены, облаченные в ночные рубашки и почему-то на каблуках. Рядом — небрежно брошенное постельное белье в мелкий морозящий цветочек, хотя дома у них стелили только со штампом «Минздрав СССР». Чуть дальше — лупатые телевизоры, гигантские кастрюли для варки компотов и холодцов, железные миски и бидончики с нарисованными шишками да сыроежками. Фарфоровые сервизы. Красные Шапочки, куклы-грузинки и куклы-цыганки. Пластмассовые звери и пупсы. Долгое время Ирка считала, что эти пупсики — и не мальчики и не девочки. Ведь дети рождаются бесполоыми и только к детскому саду определяются, что им делать дальше — носить сарафаны или размахивать пистолетами. Искренне верила, что воробьи бывают только мужчинами, синички — женщинами, а в фильмах убийства происходят по-настоящему. Просто на эти роли выбирают больных или слабых актеров, которых не жалко и пристрелить. Размышляла, что ноги крепятся к телу с помощью пуговиц и отстегиваются при случае. Честно делилась своими наблюдениями с домашними и не понимала, почему те так дружно хохочут, а потом пересказывают ее перлы во время каждого застолья.

Дороги в городе скрещивались шпагами, замыкались в эллипсы, квадраты и многоугольники. Одни напоминали сетки для игр в крестики-нолики. Иные упирались в глухие дворы, образуя тупики. Самые старые могли еще похвастаться булыжной брусчаткой, сохранившейся с довоенных времен. После каждого мало-мальского дождя камни становились скользкими, будто смазанными постным маслом.

Главная улица служила для прославления страны мира, мая и труда. По ней шли колонны людей, размахивая флажками из красного полиэстера. Иногда,

Ирина Говоруха

празднуя Великий Октябрь, народ шагал по первому снегу, но продолжал смеяться и восхвалять никому не понятный марксизм-ленинизм. Ирка, как правило, сидела у деда на плечах и громче всех кричала «ура!». Держалась за его шапку-ушанку с пятиконечной звездой и во все глаза рассматривала юное весеннее небо, распоясанные каштаны и портреты первых лиц.

По проспекту шмыгали автобусы с прожорливыми компостерами и заглавной буквой Л на капотах, и девочка считала, что те направляются не иначе как в Ленинград. Лоснящиеся «Волги» отражали холеными боками солнце. Шустрые «жигулята» клаксонили что-то футбольное, типа «Так, так, только так, атакует наш «Спартак»». Ушастые «Запорожцы» скромно жались к тротуарам. Торопящийся народ выстраивался в очередь к желтым табличкам «Стоянка такси». Ирка, наблюдая за проезжающим транспортом, старалась экономить воздух, подолгу задерживая его в себе и надувая побурундучьи щеки. Переживала, что близлежащий парк не справится с подобной нагрузкой, и требовала от деда новых березовых саженцев, чтобы пополнить городской зеленый фонд.

В парк семья выбиралась по выходным. Там посапывало искусственное озеро и плавали, переплетаясь шеями, лебеди. Рядом прохлаждались связанные ржавыми цепями катамараны, лодки, плоты. Дети кормили хлебным мякишем рыб, а родители устраивали вдоль берега пикники. Раскладывали на покрывалах пупырчатые огурцы, «Докторскую», желтоглазые яйца. Боязливо разливали из термосов портвейн под скрип, визг, лязг и тарыхтение паровозов. На колесе обозрения из года в год на пике высоты смельчаки раскручивали кабинки. Популярная «Ромашка» то приседала, то подпрыгива-

Рыжая

ла выше канадских кленов. «Орбита», а по-народному «блевалка», порционно выпускала из себя вконец расшатанных людей. Вагончики со сладкой ватой привычно собирали пчел.

Семья проживала в доме, построенном пленными немцами, в котором за много лет ни разу не протекла крыша и не пошли трещины-молнии. Высокие потолки, просторные балконы, белесые колонны, напоминающие толстые слоновьи ноги, — все было крепким, добротным, сделанным на века. Песочно-персиковая пятиэтажка с широкими лилейными вставками выглядела словно праздничный торт, щедро украшенный фруктовым кремом. Сверху — крыша в два яруса. Под балконами — дикие груши и боярышник. Чуть дальше — тополиный сквер. Широченный двор, где происходило большинство домовых событий. Зимой заливали хоккейную площадку. Летом играли в футбол и бадминтон. Праздновали свадьбы и именины, заставляя импровизированные столы тарелками заливного, вареников со шкварками и пирогами. Каждый раз откуда ни возьмись появлялась гармонь или проигрыватель с обязательными «Лавандой» и «Малиновки слышав голосок». Кричали «Горько!», «Лена, домой!» и «Тише едешь — дальше будешь». Иногда «Помогите, убивают!» или «Что орете как оглашенные?».

Семья была большой: прабабушка Фима, дед Ефим, баба Шура и трое их детей: старшая Галя — мама Ирки, средний брат Петька и младшая Леночка — инвалид детства. В четырехкомнатной квартире места хватало всем. Каждая комната — не меньше двадцати квадратов, поэтому Ирка регулярно ездила ко всем в гости на трехколесном велосипеде. Бибикала, развозила по-

Ирина Говоруха

что и приглашения на кукольную свадьбу, звала обедать или просто наносила дружеские визиты. Наблюдала, как дед чинит радио, и все ждала, когда оттуда появятся дикторы, певцы, пианисты. Слушала вместе со всеми воскресный выпуск передачи «Встреча с песней», бросая все дела при первых звуках «Тихо замерло все до рассвета».

В прабабушкиной комнате околачивался полумрак, так как та не переносила яркий свет и круглогодично закрывала окна цветочными шторами, из которых Ирка мечтала сшить себе платье и фартук с прихватками. Фима бережно относилась к электроэнергии и, завидя руку, тянущуюся к выключателю среди белого дня, прикрикивала: «Вам что, темно дышать? Время еще ранешно». Не терпела лжи и повторяла, что врать нужно так, чтобы потом сбывалось. Жила будто со всеми, но вместе с тем обособленно. Обожала кепчук (кетчуп. — *И.Г.*) и поливала им даже сладкое. А еще семачки и манез (семечки и майонез. — *И.Г.*). Ловко вела хозяйство, но старалась выходить на кухню (кухню. — *И.Г.*), когда невестки не было дома. Ставила на газ чайник, выпивала чашку-другую горячинькава (горяченького. — *И.Г.*), а потом быстро семеняла по коридору (коридору — *И.Г.*), возвращаясь в свою келью.

В ее комнате все выглядело по старинке. У стены — шифоньер, на котором хранился фибровый чемодан и вышедшая из строя керосиновая лампа. Сетчатая кровать с двумя этажами подушек и кружевом, пробивающимся из-под покрывала. Над кроватью — портреты неизвестных хмурых женщин, зачесанных на пробор. Прабабка рассказывала, что волосы в ее времена смазывали подсолнечным маслом или салом, чтобы те блестели и не выбивались из общей канвы. Много икон, ис-

Рыжая

точающих запах ладана. Высокий столик, чисто табурет, с фото какой-то компании (компани. — *И.Г.*) на природе. Люди на снимке почему-то лежали друг на друге и чокались железными кружками. На домотканой дорожке — нехитрая обувка: войлочные тапки, бурки и туфли чехословацкой фирмы «Цебо», которым не было сносу. Круглый обеденный стол, прикрытый велюровой скатертью. Посредине — фарфоровая мордатая собака. Репродукция картины Перова с изможденными детьми вместо лошадей и этажерка с церковными книгами и рецептами. Когда заканчивались молитвы, бабушка запоем читала советы, как сварить полезное варенье из сосновых шишек, приготовить тушенку из курицы с перловкой и размять яблочное пюре со сгущенкой. Единственная в семье умела перетирать грибы в порошок и варить варенье из картофеля, приговаривая: «Было б масло и курочка — сготовит и дурочка».

Прабабушка всегда отдыхала с часу до трех, со всеми здоровалась за руку и большинство фраз начинала с «ишь ты». Принесенную живую рыбу неизменно глушила молотком. Верила в Бога и полтергейст. Мастерски готовила айнтопф¹, что означало «все в одном горшке», и изъяснялась странными словами. Начальника пожарной части называла брандмейстером, а важных чиновников — канцлерами. Варила Ирке клейстер, когда у девочки заканчивался канцелярский клей, и угощала ее подружек клецками. Круглый год, даже в тридцатиградусную жару, носила рейтузы. Никогда не выходила из себя. Не бранилась. Имела ясную голову и помнила все, даже то, что случилось полвека назад. Совсем не

---

¹ Айнтопф — немецкий классический густой мясной суп. Заменяет полноценный обед.

Ирина Говоруха

страшно молилась – будто пересказывала былины или сказания.

Ирка обожала прабабкин особый полумрак, тонкую, словно кровельный гвоздь, свечку, мерцающую волшебным огнивом, и шепот, располагающий к дреме. Девочка частенько заглядывала на вечернюю молитву, зная, что после обязательных правил и тропарей, обращения к святым Макарию Великому, Антиохе и Иоанну Дамаскину, они непременно поиграют в сказки. Первым делом – в «Госпожу Метелицу». Прабабка привычно изображала злую и ленивую дочку, чтобы Ирке досталась роль доброй и работающей падчерицы. Набрасывала на плечи большой парадный платок и делала вид, что с трудом несет коромысло. Читала правнучке «Гензель и Гретель» или «Безобразную Эльзу», каждый раз получая от сына нагоняй. Дед Ефим топтался на пороге, придерживая рукой дверь, и шипел:

– Ты опять за старое? Сколько лет прошло! Тебе мало русских народных сказок?

Та смотрела на него с жалостью и замечала:

– Ты хоть и вымахал эдаким медведем, а все одно – дурак дураком, – подмигивала правнучке, и они переходили к обязательному чаепитию с джемом и галетным печеньем «Мария».

У прабабушки Фимы существовала субботняя традиция купания. Она набирала полную ванну горячей воды и сидела в ней не шевелясь. Может, час или целых два. Стены покрывались добротным потом, зеркало теряло блеск и раскалялись краны. Это напоминало сцену купания из сказки «Конек-Горбунок», когда Иванушка-дурачок вынырнул из кипятка красным молодцем, а царь сварился. Ирка всякий раз переживала, что бабку постигнет участь царя, поэтому прыгала козликом за две-

Рыжая

рю и просила впустить. Та великодушно разрешала, и девочка принималась за старушечью спину, старательно елозя мочалкой по выступающим ребрам и считая рябины (родинки. — *И.Г.*). Во все глаза рассматривала растянутые пустые груди, достающие до самого пупка, и острые до неприличия колени. После водных процедур старушка расчесывала редкие волосы и закалывала их гребешком. Гребней собралась целая коллекция. В коробке из-под печенья хранились и деревянные, и костяные, и пластмассовые. В виде веток рябины и птицы, напоминающей дебелого коня. В некоторых не хватало зубьев, но это ее совсем не тревожило. Разобравшись с волосами, она подходила к своему шкапу (шкафу. — *И.Г.*), доставала бутылочку водочки, припрятанную якобы для компрессов, наливала в пузатую рюмку, принимала на грудь сто граммов и ложилась спать. Как правило, спала до самого утра и никогда ничем не болела. Весь дом мог объявить карантин, неделю шмыгать носами и ставить горчичники, а прабабка все готовила свой фирменный айнтопф, торжественно пела тропари и писала кому-то письма, прикрывая тетрадные клетки сухонькой, дрожащей рукой.

В комнате бабушки Шуры и дедушки Ефима все выглядело по-другому — более современно, что ли. Приятно пахло кожей, так как оба работали на обувной фабрике и исправно таскали домой разноцветные обрезки. Из обстановки — ножная швейная машинка, сервант «под орех», забитый под завязку книгами. Телевизор, прикрытый парчовой тканью, чтобы не пылился. Блестящий от лака журнальный столик и два кресла. Веточки ивы в вазе. Рожковая люстра. Тюль с огромными, тянущимися вверх ирисами. Трехстворчатое зер-